

Книга 6.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ
НЕПОДРАЖАЕМАГО
АНГЛІЙСКАГО ЮМОРИСТА

ДЖЕРОМА
К. ДЖЕРОМА

ОНИ и Я.

ПОВѢСТЬ.

10.5
7

ДЖЕРОМЪ К.ДЖЕРОМЪ

ОНИ и Я.

45
184

ПОВѢСТЬ.

Переводъ А. Ѳ. Г.

I.

— Домъ новеликъ,—сказаль я.—Да намъ и не нужно большого дома. Двѣ спальни и маленькая треугольная комнатка, отмѣченная на планѣ, рядомъ съ ванной, какъ разъ годная для молодого человѣка,—вотъ все, что намъ нужно, по крайней мѣрѣ, до поры, до времени. Впослѣдствіи, если я разбогатѣю, можемъ прибавить флигель. Кухню придется немного перестроить въ угоду мамѣ. И о чемъ только думаль строившій...

— Ну, что тамъ кухня,—сказаль Дикъ,—а какъ насчетъ бильярдной?..

Привычка, приобрѣтенная въ настоящее время дѣтьми, прерывать родителей скоро превратится въ національное бѣдствіе. Хотѣлось бы мнѣ тоже, чтобы Дикъ не садился на столъ, болтая ногами. Это очень непочтительно. Я какъ-то сказаль ему:

— Когда я былъ мальчикомъ, мнѣ такъ же мало могло притти въ голову сѣсть на столъ или прерывать отца, какъ...

— Что это за штука посреди комнаты, точно какой-то трапъ?—перебила меня Робина.

— Это она про лѣстницу,—поясниль Дикъ.

— Отчего же она не похожа на лѣстницу?—настаивала на своемъ Робина.

— Человѣкъ, съ мозгами въ головѣ, сейчасть увидить, что это лѣстница,—отвѣчалъ Дикъ.

— Вовсе нѣтъ, трапъ, да и только,—не сдавалась Робина.

Робина, держа развернутый планъ на колѣняхъ, сидѣла, покачиваясь, на ручкѣ кресла. Право, я часто задаю себѣ вопросъ: зачѣмъ покупать кресло для такого народа?

Кажется, никто не знаетъ ихъ настоящаго назначенія—развѣ какая-нибудь изъ комнатныхъ собакъ вспомнить. А людямъ теперь надо жерди—нашесть, какъ курамъ.

— Если бы удалось выбросить гостиную въ переднюю и уничтожить эту лѣстницу, можно бы иногда устраивать танцевальные вечера,—подумала вслухъ Робина.

— Можетъ-быть, самое лучшее было бы вынести все изъ дому и оставить только голыя стѣны, у насъ тогда стало бы просторнѣе. А для житья мы могли бы устроить навѣсъ въ саду, или...—началь было я.

— Я говорю серьезно,—возразила Робина.—Какая польза от гостинной. Она нужна только для того, чтобы принимать таких людей, которых вовсе не желательно принимать нигдѣ. Гдѣ их ни посади, одинаково неприятно и для нихъ и для себя. Если бы мы могли только избавиться отъ лѣстницы...

— Отчего же намъ и не избавиться,—предложилъ я,—конечно, въ первое время было бы немного странно, когда наступала бы пора ложиться спать. Но, я думаю, мы скоро бы привыкли. Мы могли бы завести приставную лѣстницу и влѣзать въ комнату черезъ окна. Или устроить постоянную лѣстницу по норвежскому образцу—снаружи,—предложилъ я.

— Зачѣмъ говорить глупости,—замѣтила Робина.

— Я вовсе не шучу и стараюсь васъ также заставить смотреть на дѣло серьезно,—началъ я оправдываться.—Вы теперь помѣшаны на танцахъ. Будь ваша воля, вы бы превратили весь домъ въ танцевальный залъ, а спали бы въ койкахъ, подвѣшенныхъ къ потолку. Ваше увлеченіе продержится съ полгода. Затѣмъ вамъ захочется превратить домъ въ купальный бассейнъ, скэтингъ-рингъ, въ площадку для хоккея... Моя мысль, можетъ-быть, неудобопримѣнимая. Я и не требую, чтобы вы ей сочувствовали. Я желаю имѣть обыкновенный домъ, гдѣ можно устроиться по-христіански, а не гимнастическое заведеніе. Въ этомъ домѣ будутъ и спальни и ведущія въ нихъ лѣстницы. Можетъ-быть, вы найдете это крайне сумасброднымъ, но будетъ также и кухня. Собственно говоря, строя домъ, слѣдовало бы и для кухни...

— Не забудь бильярдную,—замѣтилъ Дикъ.

— Если бы ты больше думалъ о своей будущей карьерѣ и поменьше о бильярдѣ, ты, можетъ-быть, поскорѣй бы справился съ своими учебниками,—возразила Робина.—Если бы папа былъ благоразуменъ, т.-е. если бы онъ такъ не баловалъ тебя, онъ совсѣмъ бы изгналъ бильярдъ изъ дому.

— Ты только потому такъ рассуждаешь, что сама не умѣешь играть,—отвѣтилъ Дикъ.

— А тебя все же обыгрываю,—огрызнулась Робина.

— Въ кои-то вѣки—разъ,—согласился Дикъ.

— Нѣтъ, два,—поправила Робина.

— Ты вовсе даже не играешь,—продолжалъ Дикъ.—Ты только ходишь вокругъ, надѣясь на судьбу.

— Совсе я не хожу, а всегда на что-нибудь нацѣливаюсь,—спорила Робина.—Когда ты ударяешь, и у тебя ничего не выходитъ, ты говоришь, что тебѣ не везетъ, а когда я промахнусь—значитъ, я зѣваю. Вотъ ты какой.

— Вы оба приписываете слишкомъ много значенія счету,—сказалъ я.—Когда вы стараетесь сдѣлать карамболь съ бѣлымъ шаромъ и посылаете его не въ ту сторону, куда надо, но прямо въ лузу, а вашъ собственный шаръ продолжаетъ катиться и случайно натывается на красный, такъ вмѣсто того, чтобы сердиться на себя...

— Когда у насъ будетъ настоящій хорошій бильярдъ, папа, я научу тебя, какъ играть на бильярдѣ,—заявилъ Дикъ.

Мнѣ кажется, Дикъ въ самомъ дѣлѣ воображаетъ себя хорошимъ игрокомъ на бильярдѣ. То же самое и съ голфомъ. Начинающимъ всегда везетъ.

„Мнѣ кажется, я стану хорошимъ игрокомъ,—говорятъ они.—Я, такъ сказать, имѣю къ тому природныя способности“. Понимаете?

Есть у меня пріятель—старый капитанъ-морякъ. Онъ любить, когда всѣ три шара лежатъ по прямой линіи, такъ какъ тогда онъ знаетъ, что можетъ сдѣлать карамболь, и красный будетъ тамъ, гдѣ онъ захочетъ. У насъ гостилъ молодой ирландецъ Мэлуней, товарищъ Дика. Какъ-то послѣ обѣда шелъ дождь, и капитанъ предложилъ Мэлуню показать ему, какъ молодой человекъ долженъ играть на бильярдѣ. Онъ научилъ его, какъ держать кій, и объяснилъ, какъ расположить шары... Мэлуней былъ ему благодаренъ и упражнялся около часу. Здоровый, крѣпкій молодой человекъ былъ, повидимому, не изъ многообщающихся. Онъ никакъ не могъ понять, что играетъ не въ крокетъ. Каждый разъ, какъ ему приходилось нацѣливаться слишкомъ низко, результатомъ была потеря шара. Для сохраненія времени и мебели, мы съ Дикомъ стали слѣдить за шаромъ вмѣсто него. Дикъ стоялъ у продольнаго конца, а я у поперечнаго. Однако это было скучно и послѣ того, какъ Дикъ два раза подхватилъ его шаръ, мы согласились, что онъ выигралъ, и повели его пить чай. Вечеромъ изъ насъ никто не пожелалъ снова пробовать счастья—капитанъ сказалъ, что ради забавы онъ дастъ Мэлуню восемьдесятъ пять впередъ и будетъ играть до ста.

Откровенно говоря, игра съ капитаномъ не доставляла мнѣ особеннаго удовольствія.

Для меня игра состояла въ хожденіи вокругъ бильярда, въ бросаніи ему обратно шаровъ и произнесеніи слова: „такъ“! Когда наступалъ мой чередъ, мнѣ казалось, что все идетъ противъ меня. Онъ милый старичокъ, и намѣренія у него самыя лучшія, но тонъ, которымъ онъ говоритъ: „Промажь!“ когда я промахнусь, раздражаетъ меня. Я чувствую желаніе

швырнуть ему шаромъ въ голову и весь бильярдъ выбросить за окно. Можетъ-быть, это происходитъ оттого, что я нахожусь въ возбужденномъ состояніи, но его манера записывать очки раздражаетъ меня. Онъ носитъ съ собой мѣлокъ въ жилетномъ карманѣ—какъ будто нашъ мѣлокъ не достаточно хорошъ для него—и, окончивъ запись, сглаживаетъ большимъ и вторымъ пальцемъ кончикъ мѣлка, а кіемъ постукиваетъ по столу. Мнѣ хочется сказать ему: „Продолжайте же игру, къ чему всѣ эти ужимки“.

Капитанъ началъ съ промаха, Мэлуней схватилъ кій, грубо перевернулъ духъ и пустил шаръ. Въ результатъ получилось десять: карамболь, и всѣ три шара въ лузѣ. Конечно, онъ дважды повторилъ карамболь, но второй разъ, какъ мы ему объяснили, въ счетъ не шелъ.

— Хорошее начало,—сказалъ капитанъ.

Мэлуней былъ, повидимому, доволенъ собой и снялъ куртку. При первой прогулкѣ вверхъ по столу шаръ Мэлуней проѣхалъ мимо красного, на разстояніи около фута; но потомъ онъ поймалъ его и послалъ въ лузу.

— Десяносто девять,—сказалъ Дикъ, записывая.—Не лучше ли, капитанъ, назначить сто пятьдесятъ?

— Можетъ-быть и лучше назначить сто пятьдесятъ, если м-ръ Мэлуней ничего не будетъ имѣть противъ...

— Совершенно, какъ вамъ угодно, сэръ,—сказалъ Мэлуней.

Мэлуней окончилъ игру на двадцати двухъ, загнавъ свой шаръ въ лузу, а красный оставивъ на мѣстѣ.

— Записать?—спросилъ Дикъ.

— Когда мнѣ понадобится записать,—возразилъ капитанъ,—я попрошу.

— Извините,—сказалъ Дикъ.

— Не люблю шумной игры,—замѣтилъ капитанъ.

Не долго задумываясь, капитанъ послалъ свой шаръ къ борту на шесть дюймовъ отъ шаровъ посрединѣ.

— Что вы теперь сдѣлаете?—спросилъ Мэлуней.

— Что вы будете дѣлать, не знаю,—отвѣтилъ капитанъ.— Посмотримъ.

Благодаря положенію шара, Мэлуней не могъ примѣнить всей своей силы. На этотъ разъ онъ ограничился только тѣмъ, что послалъ шаръ капитана въ лузу и самъ остался у борта, въ четырехъ дюймахъ отъ красного. Капитанъ сказалъ крѣпкое слово и опять промахнулся. Мэлуней толкнулъ шары въ третій разъ. Они разлетѣлись въ разныя стороны,

сталкиваясь, вернулись и безо всякаго повода начали гнать одинъ другого. Особенно красный шаръ, повидимому, совершенно обезумѣлъ. Вообще говоря, нашъ красный шаръ—глупый шаръ—и теперь ему пришлось въ голову спрятаться подъ борты и оттуда слѣдить за игрой. Онъ, очевидно, рѣшилъ, что на столѣ нигдѣ не будетъ въ безопасности отъ Мэлуней. Его единственной надеждой оставались лузы. Я, можетъ-быть, ошибся, можетъ-быть, не совсѣмъ ясно рассмотрѣлъ при быстрой игрѣ, но мнѣ казалось, что красный и ждать не сталъ, чтобъ въ него попали. Когда онъ увидалъ, что шаръ Мэлуней несется на него со скоростью сорока миль въ часъ, онъ преспокойно отправился въ ближайшую лузу. И такъ онъ обѣжалъ вокругъ всего бильярда, отыскивая лузы. Когда въ своемъ волнении ему случалось пробѣжать мимо пустой лузы, онъ возвращался и все же забирался въ нее. Бывали минуты, когда въ своемъ ужасѣ онъ соскакивалъ со стола и укрывался подъ диванъ или за шкафъ. Становилось жалъ красного шара.

У капитана были записаны законные тридцать девять, и Мэлуней далъ ему двадцать четыре, когда дѣйствительно стало казаться, что часъ торжества для капитана насталъ.

— Сто двадцать восемь. Теперь игра въ вашихъ рукахъ, капитанъ,—сказалъ Дикъ.

Мы обступили бильярдъ. Дѣти бросили игру. Получилась хорошенькая картинка: свѣжія молодыя личики, всѣ превратившіяся въ напряженное вниманіе, старый ветеранъ, опустившій кій, какъ бы опасаясь, что наблюденіе за игрой Мэлуней причинить ему судороги.

— Ну, слѣдите,—шепнулъ я молодому человѣку,—да не только замѣчайте, что онъ дѣлаетъ, а старайтесь понять—почему. Каждый дуракъ, конечно, послѣ нѣкоторой практики сумѣетъ попасть въ шаръ. Но почему вы цѣлитесь въ него? Что бываетъ послѣ того, какъ вы его толкнули? Ну что...

— Шт...—сказалъ Дикъ.

Капитанъ потянулъ кій къ себѣ и осторожно вытянулъ его впередъ.

— Красивый ударъ,—шепнулъ я Мэлуней.— Вотъ такимъ образомъ...

Мнѣ кажется, что въ эту минуту слишкомъ много крылатыхъ словъ тѣснилось на языкѣ капитана, чтобъ онъ могъ справиться съ своими нервами и урегулировать движенія. Медленно катясь, шаръ прошелъ мимо красного. Дикъ говорилъ потомъ, будто онъ прошелъ такъ близко, что нельзя бы было вставить между ними даже листа бумаги. Иногда, сказавъ такую вещь,